

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17044

EDN: GBOOCT

Мотив потерянного рая в русской литературе: от Древней Руси к Серебряному веку

Д. Н. Жаткин¹✉, В. В. Сердечная²

¹ Пензенский государственный технологический университет
(г. Пенза, Российская Федерация)

e-mail: ivb40@yandex.ru✉

² Кубанский государственный университет
(г. Краснодар, Российская Федерация)

e-mail: rintra@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция мотива потерянного рая в русской литературе — с древнейших времен до начала XX в. Потерянный рай представляет собой именно мотив по признакам сюжетности, актантности, хронотопических характеристик, предикативности, инвариантности и вариантности, интертекстуальности. Целью работы стало определение особенностей реализации мотива потерянного рая в русской литературе до и после восприятия отечественным культурным пространством поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай». В качестве источниковедческой основы при выборе материала использованы сведения из первого выпуска «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» (Новосибирск, 2006). В результате исследования установлено, что в русской словесности до XVIII в., то есть до появления переводов поэмы Мильтона, мотив потерянного рая воссоздавался в основном в апокрифах, духовных стихах, придворной драме и основывался на библейском сюжете с некоторыми дополнениями (плач Адама, рукописание Адама) и характерным осмыслением утраты рая как того сюжетного события, которое приведет к рождению Христа. С XVIII в. в реализации мотива потерянного рая в русской литературе становится заметным влияние уже переведенного мильтоновского произведения: мотив приобретает космологический масштаб («Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского); в его топологию добавляется царство Хаоса («Вселенная» М. М. Хераскова); жизнь первопредков осмысливается под влиянием пасторальной традиции, с акцентированием любовно-эротических характеристик; встречается и переосмысленное видение Адама о будущем («Сон Адама» Н. С. Гумилева). Таким образом, можно говорить как о прямом влиянии Мильтона на эпическую традицию (например, поэмы И. Ф. Богдановича и М. М. Хераскова), так и о творческой рецепции его образа потерянного рая в литературе «золотого века» и последующего времени.

Ключевые слова: потерянный рай, Книга Бытия, Джон Милтон, апокриф, творческая рецепция, мотив, двуединый мотив, образ рая,

древнерусская литература, И. Ф. Богданович, М. М. Херасков, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Н. С. Гумилев, Ф. К. Сологуб

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 25-18-00010 «Русский Мильтон: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных», <https://rscf.ru/project/25-18-00010/>).

Для цитирования: Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Мотив потерянного рая в русской литературе: от Древней Руси к Серебряному веку // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 95–128. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17044. EDN: GBOOCT

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17044

EDN: GBOOCT

A Lost Paradise Motif in Russian Literature: from Ancient Rus to the Silver Age

Dmitry N. Zhatkin¹✉, Vera V. Serdechnaia²

¹ *Penza State Technological University
(Penza, Russian Federation)*

e-mail: ivb40@yandex.ru✉

² *Kuban State University
(Krasnodar, Russian Federation)*

e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract. The article deals with the evolution of the lost paradise motif in Russian literature — from ancient times to the beginning of the 20th century. It is proven that lost paradise is precisely a motif based on the features of plot, actantness, chronotopic characteristics, predicativity, invariance and variability, and intertextuality. The aim of the work was to determine the features of the implementation of the lost paradise motif in Russian literature before and after the perception of J. Milton’s poem “Paradise Lost” within the Russian cultural space. The information from the first edition of the “Dictionary-index of plots and motifs of Russian literature” (Novosibirsk, 2006) was used as a source base for selecting the material. The main conclusion of the study is that in Russian literature before the 18th century, that is, before the translations of Milton’s poem, the motif of lost paradise was recreated mainly in apocrypha, spiritual poetry and court drama; it was based on the biblical story with some additions (Adam’s lament, Adam’s handwriting) and a characteristic interpretation of the loss of paradise as the plot event that would lead to the birth of Christ. Since the 18th century, the influence of Milton’s already translated work has become noticeable in the realization of the lost paradise motif in Russian literature: the motif acquires a cosmological scale (Dostoevsky’s “The Dream

of a Ridiculous Man”), and the kingdom of Chaos is added to its topology (Kheraskov’s “The Universe”); the life of the first ancestors is interpreted under the influence of the pastoral tradition, emphasizing amorous and erotic characteristics; Adam’s vision of the future is also reinterpreted (Gumilyov’s “Adam’s Dream”). Thus, we can speak both of Milton’s direct influence on the epic tradition (for example, the poems of Bogdanovich and Kheraskov) and of the creative reception of his image of the lost paradise in the literature of the “Golden Age” and subsequent periods.

Keywords: Lost Paradise, “Genesis”, John Milton, apocrypha, creative reception, motif, dual motif, image of paradise, Old Russian literature, Ippolit Bogdanovich, Mikhail Kheraskov, Aleksander Pushkin, Fyodor Dostoevsky, Nikolai Gumilyov, Fyodor Sologub

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 25-18-00010, <https://rscf.ru/project/25-18-00010/>).

For citation: Zhatkin D. N., Serdechnaia V. V. A Lost Paradise Motif in Russian Literature: from Ancient Rus to the Silver Age. In: *Problemy istoricheskoy poeziki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 2, pp. 95–128. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17044. EDN: GBOOCT (In Russ.)

Понятие мотива определяется в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) как «устойчивый формально-содержат[ельный] компонент литературного текста». Давая эту дефиницию, авторы словарной статьи признавали, что «совр[еменное] понимание м[отива] не обладает четкой теоретич[еской] определенностью» [Незванкина, Щемелева]. Со времени определения мотива А. Н. Веселовским как «простейшей повествовательной единицы» [Веселовский: 500] и В. Кайзером как «повторяющейся, и, следовательно, человечески значительной ситуации» (цит. по: [Тамарченко: 38]) данное понятие прошло большой путь терминологического уточнения.

Так, в словаре «Поэтика» (2008) мотив уже более уверенно определяется как «обобщенная форма семантически подобных *событий сюжетных*, взятых в рамках определенной повествовательной традиции»; при этом в центре смысловой структуры мотива — «собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий» [Силантьев, 2008: 130]. В другой публикации И. В. Силантьев дает более развернутое определение мотива: это «а) эстетически значимая повествовательная

единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [Силантьев, 2004: 96].

Одной из наиболее плодотворных сюжетных областей мировой культуры является библейская словесность. В ней особое место занимают рассказы об Адаме и Еве, вместе с которыми впервые возникает интрига и развивается основной сюжет [Каспина]. Одной из структурных единиц библейского сюжета о первопредках становится мотив *потерянного рая* — тот момент, когда, в полном соответствии с моделью В. Я. Проппа, «появляется первый запрет и первое нарушение запрета» [Каспина: 4].

Согласно вышеприведенному утверждению И. В. Силантьева, *потерянный рай* — сюжетно-повествовательная единица, содержащая в себе предикативное начало, актантов и пространственно-временные характеристики, — может определяться прежде всего как мотив. Отличительный признак мотива как «интертекстуального повтора» [Силантьев, 2001: 34] — его повторение в различных произведениях; по данному критерию *потерянный рай* также может быть классифицирован как мотив.

Очевидно, что мотив *потерянного рая* (как и другие мотивы подобного рода) обнаруживает близость к понятию хронотопа. В структуре такого мотива, в частности, «функционально и эстетически актуализированными оказываются не только его *актанты* или предикат, но и его обстоятельственные (т. е. пространственно-временные) характеристики» [Силантьев, 2008: 131]. Однако не в меньшей мере, заключая в себе предикативное значение, мотив *потерянного рая* относится к мотивам повествовательным, или фабульным (см.: [Силантьев, 2001: 22]).

Как отмечает В. И. Тюпа, историческое ядро общелитературного словаря мотивов составляют «фазы археосюжета с их важнейшими модификациями» [Тюпа: 23], среди которых выделяется фаза обособления, которая может подразумевать

«внешний, собственно пространственный уход» [Тюпа: 18]; именно этим характеристикам отвечает мотив *потерянного рая*. В. И. Тюпа также указывает, что первый узел сюжетного построения, фаза обособления, «логизирован теоретической поэтикой» в категории завязки [Тюпа: 20]; таким образом, *потерянный рай* появляется как мотив прежде всего начальный, в первой части сюжетного развития. В то же время, как отмечает М. М. Каспина, «событие изгнания прародителей человечества из Сада» [Каспина: 74] становится и показателем завершения некоторой событийной цепи. Таким образом, есть основания говорить и о том, что *потерянный рай* — самостоятельный сюжетный мотив, и о том, что его упоминание может знаменовать первый этап археосюжета, то есть завязку.

Хотя возникновение мотива *потерянного рая* в русской литературе и связано с библейской традицией, этот мотив после знакомства отечественного читателя с поэмой Дж. Милтона демонстрирует также проявления мильтоновского влияния, вводящего некоторые новые черты [Evans]. Так, в частности, реализуется природа мотива как единства инвариантного и вариантного начал [Силантьев, 2004: 96].

В истории вопроса можно найти описание сюжетов, связанных с Адамом и Евой [Каспина], однако реализация мотива *потерянного рая* в русской литературе изучена лишь отчасти. Существуют исследования этого мотива в русской утопической мысли [Златопольская], [Голозубов], в творчестве Н. С. Лескова [Крылова, Старыгина], Ф. М. Достоевского [Матушкин], В. С. Соловьева [Топчий], В. В. Набокова [Балбенова], [Маяковская] и др., И. А. Бунина [Бердникова], В. В. Маяковского [Гарипова], в русской рок-поэзии [Павлова, Ермакова] и современной литературе [Паринова, 2018]. Делались также попытки осветить влияние на русскую литературу творчества Милтона как автора фразеологически связанного сочетания *потерянный рай* [Boss, 1983, 1991], [Паринова, 2019], [Коровин].

Рассмотрим реализации выделенного нами мотива в истории русской литературы в предложенном диахроническом срезе. Сюжеты, связанные с важнейшими актантами *потерянного рая*, Адамом и Евой, отражены, в частности, в «Словаре-

указателе сюжетов и мотивов русской литературы» (Новосибирск, 2006, вып. 1). Общий сюжет обозначен так: «**Адам и Ева:** создание первых людей — их жизнь в раю — история грехопадения и изгнания из рая (Быт. 2–3)»¹. Отдельно упомянуты произведения, содержащие не всю сюжетную последовательность, а частные события: «грехопадение: причина — событие — результат»; «изгнание из рая / потерянный рай»; «воспоминания об утраченном рае»; «плач Адама о потерянном рае»; «первородный грех и Божья кара»². Указанные мотивы могут как иметь чисто библейское происхождение, так и быть воссозданными под влиянием поэмы Мильтона. Важно отметить, что собственно мильтоновское наследие не рассматривается в дальнейших выпусках словаря-указателя — в частности, во втором выпуске, в разделе «Сюжеты западноевропейской литературы», сюжеты и герои Мильтона не упомянуты³, то есть *потерянный рай* типологически отнесен к библейской тематике.

Среди ранних примеров сюжетов с мотивом *потерянного рая* в русской словесности в словаре-указателе названы апокрифы XII–XV вв., «Триодь Постная» и «Плач Адама» XV в., «Повесть о Горе-Злочастии» (XVII в.), пьеса «Жалобная комедия об Адаме и Еве» (1675), «Книга обличений, или Евангелие вечное» протопопа Аввакума (1676)⁴. Эти разножанровые произведения наследуют мотив *потерянного рая* напрямую от библейской традиции и духовной словесности.

В славянской апокрифической и раннелитературной традиции наблюдаются различные вариации мотива *потерянного рая*. Например, в качестве грехопадения, то есть причины изгнания, могут осмысливаться как непослушание, так и собственно сексуальный контакт прародителей [Каспи-

¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2006. Вып. 1. С. 16.

² Там же. С. 17–19.

³ См.: Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 2. С. 18–100.

⁴ Словарь-указатель сюжетов и мотивов... Вып. 1. С. 16–17.

на: 178–179]. В частности, в апокрифе «Об исповедании Евгином» указано:

«...и отверзоста очи наши, и видехом наготу свою и сердце наше восхоте на похоть, и бысть тако»⁵.

В части источников змий вовсе не участвует в сюжете искушения, но люди грешат сами:

«Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию,
вкусили плода виноградного
от дивного древа великого»⁶.

В апокрифе «Откровение Авраама» Адам и Ева предстают гигантами, а змей — человекоподобной фигурой с крыльями под именем Азазила⁷. Неназванное райское дерево может трактоваться как финиковое [Каспина: 183], как виноградная лоза [Мильков: 489], либо как смоква (фиговое дерево): «...а смоквица листвие не поверже <...> и внидох под древо, от него же снедох...»⁸; однако наиболее популярная версия — яблоня, с чем связан и этиологический сюжет о появлении у мужчин кадыка, или Адамова яблока [Каспина: 187–188].

То, что именно утрачено — черты рая и потери праотцев, — в апокрифической традиции также может трактоваться различно. Так, по некоторым версиям, с грехопадением Адам теряет способность видеть предвечный свет:

«...Адам бьяше в раю славя Бога со архангелы и ангелы во свет не мерчающим; изгони му ж ему бывшую из раю за преступление его <...>. И приид ноць и быс тма, и вскрича Адам глаголя:

⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1862. Вып. 3. С. 1.

⁶ Повесть о Горе-Злочастии // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII в. С. 31.

⁷ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1863. Т. 1. С. 70–71.

⁸ Там же. С. 10.

горе мне, преступившему Божию заповедь, изгнану из светлого райского житья, пресветлого немерчающего света»⁹.

Среди других последствий грехопадения славянская средневековая традиция отмечает различные болезни [Порфирьев: 174], прекращение общения с ангелами, потерю райской пищи (и необходимость поиска пропитания), утрату некой особо плотной кожи или шерсти, похожей на ногти; исчезновение общего языка — именно тогда звери перестали слушаться людей [Каспина: 186–191].

По некоторым апокрифам, человек не совсем утратил рай, но наследовал некоторые его части. Так, согласно «Слову о Адаме», земля за пределами эдемского сада была совершенно неплодородна, и после изгнания прародителей из рая Господь «отлучи седмую часть от рая и подаст нам. <...> И изгна вся скоти и звери из рая и предаст Адаму»¹⁰; также в апокрифах упоминается, что Бог выпускает на землю райские ароматы, которые воскуривают изгнанники:

«Тогда Господь припусти ему благоухание фимиан и ладан и ливан»¹¹.

В славянской традиции есть самостоятельные, развившиеся без заметного библейского влияния, мотивы данного сюжетного комплекса. К таким относится покаяние Адама (и Евы) после грехопадения [Каган: 49], уже к XV в. облеченное в форму духовного стиха «Плач Адама о рае» [Каспина: 192–196], восходящего к Постной Триоди и Синаксарю [Панченко: 421].

К специфически славянским относится и сюжет о «рукописании» Адама — то есть о своего рода расписке, которую он дает дьяволу после изгнания, обещая ему себя и детей в обмен на право обрабатывать землю:

«Дьявол не даст ему орати, глаголаше ему: запиши рукописание свое, тогда ори землю мою. <...> И взят плача и записа рукописание свое и рече: чия земля, того и я. Дьявол взят рукописание Адамово и держа»¹².

⁹ Памятники старинной русской литературы... Вып. 3. С. 2.

¹⁰ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. С. 3.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Памятники старинной русской литературы... Вып. 3. С. 5.

Как отмечает М. Д. Каган, мотив «рукописания» свидетельствует о христианизированном варианте ветхозаветного сюжета: Адам «знает, что Бог в образе Христа придет на землю» [Каган: 48] и разорвет этот нечестивый «завет».

Одним из заметных литературных произведений XVII в. стала пьеса «Жалобная комедия об Адаме и Еве», которая была поставлена в 1675 г. в театре при дворе царя Алексея Михайловича [Державина: 28–29]. В ее тексте очевидно влияние как славянской апокрифической традиции (плач Адама), так и западноевропейской традиции драмы. В частности, эта драма может быть сопоставлена с пьесой нидерландского драматурга Йоста ван ден Вондела «Люцифер» (1654) и ее продолжением «Адам в изгнании» (1664), которые существенно повлияли на Мильтона. Автором «Жалобной комедии об Адаме и Еве», скорее всего, был лютеранский пастор И. Г. Грегори [Державина: 31], [Каплун], что указывает на большую вероятность влияния европейской традиции.

В числе действующих лиц «Жалобной комедии об Адаме и Еве» — Бог Отец, Бог Сын, Адам и Ева, а также несколько ангелов с собственными именами (во многом повторяющими имена ангелов у Вондела) и несколько олицетворенных добродетелей; злые же силы, у Вондела представленные Люцифером и двумя адскими духами, в «Жалобной комедии» воплощены в полукомическую «змию»¹³. Действо начинается с краткого пересказа истории битвы с Луципером, продолжается историей соблазна, а оканчивается Божественным судом. Таким образом, число актантов увеличено за счет ангелов и добродетелей, но хронотоп представлен лишь райским пространством, уже в этом сюжетном времени ощущаемым как потерянное. В своем покаянном слове согрешивший Адам, как и в апокрифических плачах, не только кается, но и описывает потери:

«...ныне бо обретаюся быти нагим. <...> прежде обыдоша окресть безчисленных полков ангель, но ныне вся от меня отступиста; зверие такожде ко мне во множестве числе совокупистася, но ныне вся от меня убегают; солнце, луна и звезды

¹³ Жалобная комедия об Адаме и Еве // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М.: Наука, 1972. С. 115.

воззирают на мя зело печальными образы, и земля не хоцет мя вящще носити»¹⁴.

Будущую судьбу человека решают перед Богом Отцом участники Божественного суда: Истина, Правда, Милосердие, Мир; последними становятся слова Сына Божьего о том, что грех Адама будет искуплен в будущем:

«...тем же възщите такова мужа, иже смертию за них долг тот воздаст: таким бо образом безвредны пребудете и бедный человек освободится»¹⁵.

Основу структуры мотива создают «действие и актанты, ассоциированные с данным действием» [Силантьев, 2004: 95]. В Библии в роли актантов, соотносимых с *потерянным раем*, выступают Бог, Адам и Ева, змей (в тексте не ассоциируемый напрямую с Сатаной) и страж-херувим. В славянской традиции может меняться количество и внешний вид актантов (от полного отсутствия змея до множественности райских сил).

Структура мотива как такового «предполагает ее *заполнение*, семантическое *насыщение* признаками художественного пространства и времени» [Силантьев, 2004: 84]. Художественное пространство *потерянного рая*, если рассматривать рождение этого мотива в Библии, очевидно представлено противопоставленными топосами «рая в Едеме на востоке» (Быт. 2:8) и земли за его пределами (Адам изгнан возделывать «землю, из которой он взят» (Быт. 3:23)), а также границей между этими пространствами: Господь «поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3:24). Славянская апокрифическая традиция сделала топологию потерянного рая несколько разнообразнее: в частности, добавлен мотив «седьмой части Эдема», ароматов или животных, выпущенных Богом на землю для человека. Художественное время библейской истории находится в неопределенной древности, в начале времен, спустя некоторое время после сотворения мира и грехопадения первопредков; в апокрифах очевидно ощущение грехопадения как завязки христианского сюжета. Многие изменения,

¹⁴ Жалобная комедия об Адаме и Еве. С. 126.

¹⁵ Там же. С. 137.

внесенные в мотив в его историческом бытовании, связаны с христианской точкой зрения рассказчиков, которые рассматривают сюжет об Адаме, подобно Мильтону, как завязку сюжета о Христе.

Таким образом, за время бытования в славянской и русской фольклорно-апокрифической и раннелитературной традициях мотив потерянного рая обрел новые черты. Разнятся представления о том, что именно является причиной и субстанцией грехопадения, что именно утратил человек вместе с раем и доступно ли ему какое-то «наследство» рая. К сугубо славянским исследователи относят сюжеты о покаянии («плаче») Адама и его «рукописании» для дьявола. Пьеса «Жалобная комедия об Адаме и Еве», сюжет которой оканчивается Божьим судом, объединяет славянские черты и западноевропейское литературное влияние.

Справедливо замечание о том, что «Потерянный рай» Мильтона, будучи малоизвестен в отечественной культурной среде, почти не повлиял на русскую литературу до середины XVIII в. [Manning: 173]. Однако уже с 1745 г. начинается череда переводов поэмы Мильтона на русский язык: вначале в прозе (А. Г. Строганов, В. П. Петров, А. Н. Серебренников), а затем и в стихах (Е. А. Жадовская, С. И. Писарев и т. д.). И с этого времени можно говорить о влиянии Мильтона на трактовку *потерянного рая*: в частности, как утверждает А. С. Парина, поэма «Потерянный рай» стала «отправной точкой к формированию особого понимания ада и рая в русской поэзии XIX века» [Парина, 2018: 28].

Отношение к Мильтону и его героям в русской традиции, как и во всем мире, менялось вместе с идеологическими поворотами. В конце XVIII в. в «Словаре историческом» Мильтону была посвящена отдельная статья. В ней освещены политические и религиозные взгляды писателя, в частности:

«Он был в молодости пуританом; в зрелых годах он защищал сторону независящих и анабаптистов; а в старости отделился от всех сект и никакой не держался религии <...>. Он не входил ни в какое общество и не наблюдал правил ни одной секты»¹⁶.

Его поэма «Потерянный рай» — «славное творение»¹⁷:

¹⁷ Словарь исторический... С. 206.

«...мир, пришедший в нещастие по слабости человека, благость и мщение Творца и начало всех нещастий и пороков суть такие предметы, которые достойны самого смелого пера. Сверх того есть в сей материи некоторый мрачный ужас и нечто такое попечительное и высокое, которое весьма сродно воображению англичанина»¹⁸;

«Его укоряют за странные писания, как то: за алебастровые стены, которые окружают земной рай <...>. Но при всей критике, Милтона беспрестанно будут превозносить похвалами; и никогда не надвигаются описанию, которое он делает невинной любви Адама и Евы»¹⁹.

Авторы словаря отмечают в «Потерянном рае» «важные мысли», «поражающие описания» и «силу воображения, которой столь много удивляются»²⁰. Таким образом, словарь запечатлел восприятие поэмы Мильтона как произведения отчасти спорного, в топографических и богословских деталях, но художественно великого.

В словаре-указателе сюжетов и мотивов — начиная с середины XVIII в. и вплоть до начала XX в. — перечислен ряд произведений, содержащих сюжет с Адамом и Евой. Среди текстов, отмеченных в словаре, мотив *потерянного рая* явлен в произведениях И. Ф. Богдановича (поэма «Сугубое блаженство», 1765), А. С. Пушкина («Гавриилиада», 1821), М. Ю. Лермонтова («Ангел», 1831), Е. А. Баратынского («Благословен святое возвестивший!..», 1839), А. А. Григорьева (стихотворение «В час томительного бденья...» из цикла «Старые песни, старые сказки», 1846), А. И. Герцена («Былое и думы», 1852–1868), Ф. М. Достоевского («Сон смешного человека», 1877), К. Д. Бальмонта («Воскресший», 1895), В. Я. Брюсова («Адам и Ева», 1905), Н. С. Гумилева («Сон Адама», 1909; «Адам», 1910), И. А. Бунина («Пустыня дьявола», 1909), Саши Черного («Несправедливость», 1910), Ф. К. Сологуба («Мечта на камнях», 1913), М. И. Цветаевой («Только закрою горячие веки...», 1917) и др.²¹ Мотив *потерянного рая* демонстрирует сравнительно

¹⁸ Там же. С. 207.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 208.

²¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов... Вып. 1. С. 17–19.

высокую частотность в русской литературе. При этом, конечно, данные словаря не исчерпывают материал, а лишь дают отправную точку для более подробного исследования, выявления и классификации мотивов: так, в частности, в словаре не упомянуты такие немаловажные в трактовке мотива произведения, как поэма М. М. Хераскова «Вселенная» (1797) [Коровин], роман Н. С. Лескова «На ножах» (1871) [Крылова, Старыгина] и др.

Вопрос о влиянии Мильтона на традицию библейского сюжета в русской литературе рассмотрен лишь эпизодически. Так, затрагивая тему различий между библейско-святоотеческой и мильтоновской традицией, А. С. Паринова отмечает как особенность мильтоновской поэтики возвышение трагической фигуры Сатаны [Паринова, 2018: 29]. Однако некоторые из наблюдений исследователя можно назвать не вполне точными. Так, в частности, «интернизацию» образа рая, когда он «исчезает после грехопадения, и вернуться в то гармоничное состояние можно только обретя рай внутри» [Паринова, 2018: 30], трудно назвать прямым заимствованием из Мильтона: эпический сюжет, представленный английским поэтом, все-таки не предполагал прямое аллегорическое истолкование. Также образ сада в стихотворениях М. Ю. Лермонтова, который «представляется воплощением гармоничного всеединства, полноты, завершенности», возможно, не напрямую «отсылает к поэме Дж. Мильтона "Потерянный рай"» [Паринова, 2018: 31], но является аллюзией к общекультурному топосу рая.

Можно утверждать, что Милтон привнесит в топологические характеристики *потерянного рая* новые аспекты. Художественное пространство мильтоновского эпоса включает в себя уже не два, а четыре основных топоса: ад, хаос, небеса и мир людей [Мозго]. При этом в описании Эдема используются традиции античной пасторали [Соколова]. Организация художественного времени у Мильтона также усложняется: она включает частые инверсии, ретроспекции в «давно прошедшие времена», пророчества о будущем [Тетерина]. Очевидно, в частности, что сюжетный мотив, обозначенный в словаре-указателе сюжетов как «сон Адама и Евы: услышаны Люцифером, который проводит их во сне через всю историю человечества»,

связан не только с указанными к нему произведениями Н. С. Гумилева «Сон Адама», А. А. Ахматовой «Энума Элиш» и драмой И. Мадача «Трагедия человека» (1861)²², но и с рассказом архангела Михаила в 11–12 книгах мильтоновской поэмы (хотя идея пророческого сна Адама, включенная в общий христианский дискурс поэмы, встречается и в апокрифе «Сказание о том, как сотворил Бог Адама», записанном в середине XVII в. [Каспина: 178]). Значимыми актантами, наряду с Адамом и Евой, у Мильтона становятся не только титанический Сатана, принимающий различные формы, но и Бог Отец, Христос, архангел Михаил, соратники Сатаны.

Рассмотрим реализацию мотива на примере наиболее показательных текстов, ориентируясь на авторов и произведения, перечисленные в словаре-указателе сюжетов, однако по необходимости привлекая и другие произведения, в том числе других авторов, тем самым уточняя данные словаря применительно к мотиву *потерянного рая*.

Среди наиболее ранних, после перевода мильтоновского эпоса, форм воплощения мотива можно отметить эпические и лироэпические поэмы.

Так, поэма И. Ф. Богдановича «Сугубое блаженство» в аллегорической форме изображает утраченное счастье человечества. Первая песнь поэмы посвящена идиллическому древнему периоду, когда «невинность, истина, любовь и добродетель / Повсюду щастливо хранились на земли»²³. Во второй песни описание прогресса человечества (развития градостроительства, просвещения, наук и философии) сменяется рассуждениями о том, что «чувственно порок прокрался нам в сердца»²⁴. Людей захватили высокомерие, ненависть и лесть; «от трех тиранов сих размножились пороки»²⁵. Однако в третьей песни происходит исправление: «Подвиглись жалостью суровые сердца»²⁶. Оканчивается поэма пророческим поучительным

²² Словарь-указатель сюжетов и мотивов... С. 19.

²³ Богданович И. Ф. Сугубое блаженство. СПб.: [Тип. Сухопут. кад. корпуса], 1765. С. 6.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Богданович И. Ф. Сугубое блаженство. С. 12.

²⁶ Там же. С. 14.

видением лирического героя. В целом отказ от конкретных библейских актантов и генерализация конфликта привели к тому, что вся поэма выглядит как достаточно отвлеченная дидактическая аллегория, не отражающая напрямую влияния ни Мильтона, ни сюжета из Книги Бытия.

Прямым влиянием Мильтона отмечена поэма М. М. Хераскова «Вселенная» (1797), в художественном пространстве которой, в частности, большая роль отдана предначальному Хаосу. Говоря о Библии и других влияниях, автор отмечает в предисловии:

«Мне кажется, что Британский Певец, сочиняя Погубленный Рай, и Великий Клопшток, воспевая Мессию, в подобных иступлениях находились <...> — за ними шествую, но шествую вдали — робко — косвенно»²⁷.

В финале поэмы автор восклицает: «В восторгах лиру я Милтонову лобзаю! / Но следовать ему в сих песнях не дерзаю»²⁸.

Сотворение человека Херасков описывает как создание нетленной плоти, подобной Божественной:

«Частицу взяв земли, Бог рек: ходи и мысли!

<...>

Во человека Бог, любви Своей залогом,
Живую душу влил; Адам стал малым Богом!

<...>

Из света сложена была Адамля плоть,
Нетленной ризою облек ее Господь»²⁹.

Адам — первый, совершенный человек, отличающийся от современных людей: «Он весь нетленен был, а мы, мы прах и тлен; / <...> / Мы падшим Ангелам, он был небесным равен»³⁰.

Очевидно влияние Мильтона в описании пасторальных утех Адама и Евы и их нежной любви в раю; однако любовь и стала одной из причин грехопадения: «Стал Еве предан весь,

²⁷ Херасков М. М. Вселенная // Херасков М. М. Творения, вновь исправленные и дополненные: в 12 ч. [М.: Университетская тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797]. Ч. 3. С. 25–26.

²⁸ Там же. С. 90.

²⁹ Там же. С. 76–77.

³⁰ Херасков М. М. Вселенная... С. 80.

но Богу стал не верен; / <...> / Она вкусила смерть, и смерть Адам вкусил»³¹.

Автор создает жуткую, но убедительную картину наступающей смертности человека:

«Втекает смерть им в кровь прельщением очей,
С сиянием луны и солнечных лучей;
Втекает слухом смерть, втекает осязанием,
И взглядом Евиным, и Евиным лобзаньем»³².

Особый акцент Херасков делает на вселенских последствиях грехопадения. Грех человека инфицирует материальный мир:

«Износит плоть Адам болезненну и тленну,
И тлен сей заразил пространную вселенну.
<...>

Увы! во всяку плоть они свой яд влиют;
Во злаки, во плоды, в огонь, в воздухе и в воды»³³.

Херасков подчеркивает, что вся Вселенная обвиняет Адама в том, что он извратил блаженство материи: «Ты нас ожесточил! стихии вопиют; / Мстят, мстят они ему и грудь его бият»³⁴. Однако, в традиции Мильтона и, шире, христианской хронологии, автор акцентирует роль Христа в разрешении мировой драмы.

Сниженно-пародийное осмысление мильтоновской традиции очевидно в пушкинской поэме «Гавриилиада» — в произведении, по выражению В. Ф. Ходасевича, воплотившем «подлинный дух Ренессанса» [Ходасевич: 72]. У Пушкина событие грехопадения описано с существенным влиянием традиции пасторали и с заметной эротической составляющей:

«Проснулись неясные желанья;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу» [Пушкин: 129].

³¹ Там же. С. 12.

³² Там же. С. 84.

³³ Там же. С. 85–86.

³⁴ Там же. С. 90.

На переосмысление мильтоновского наследия указывает и столкновение Гавриила с Сатаной, поданное как комически сниженная битва [Соколянский: 138].

В последующие десятилетия разработка мотива *потерянного рая* встречается в большей степени в лирике и прозаических эпических произведениях.

В лермонтовском «Ангеле» мотив преобразован и генерализован: принесенная ангелом душа вспоминает обитель, в которой была до рождения, как утраченный рай («блаженство безгрешных духов / Под кущами райских садов»). Антитеза, заложенная в мотиве *потерянного рая*, выражена через противопоставление «кущ райских садов» — и «мира печали и слез», «звуков небес» — и «скучных песен земли» [Лермонтов: 203]. Стоит отметить аудиальную природу возвышенной тоски по навсегда ушедшему: образ «звуков рая» будет повторяться в русской поэзии.

В стихотворении Е. А. Баратынского «Благословен святое возвестивший!..» мотив *потерянного рая* раскрывается в рассуждении о природе порока и добродетели, причем яблоко Адама сопоставляется с яблоком Ньютона:

«Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек» [Баратынский: 193].

Ап. Григорьев в стихотворении «В час томительного бдения...» из цикла «Старые песни, старые сказки» называет *потерянным раем* утраченную любовь:

«Отчего же сердце просит
Всё любви, не уставая,
И упорно память носит
Дней утраченного рая?» [Григорьев: 93].

Мотив не слишком развернуто, но звучит в «Былом и думах» А. И. Герцена, начиная характерное для более поздней русской эмиграции (И. А. Бунин, В. В. Набоков и далее) отождествление России с утраченным небесным садом [Бородин].

Существенное развитие мотив *потерянного рая* получает в «Сне смешного человека» Ф. М. Достоевского. В частности,

персонаж-рассказчик переосмысливает грехопадение в космических масштабах и в контексте стыда:

«Например, мне вдруг представилось одно странное соображение, что если б я жил прежде на луне или на Марсе и сделал бы там какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обесчещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с земли на луну, — было бы мне *всё равно* или нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет?» [Достоевский: 108].

В другом эпизоде, во сне, герой видит фантастический топос, также достигаемый путем перелета на другую планету:

«Это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем» [Достоевский: 112].

Жители этого райского пространства обладают светлым знанием ненаучного свойства, общаются с деревьями, «живым путем» соприкасаются со звездами [Достоевский: 113]. Описание образа жизни счастливых обитателей безгрешного пространства весьма похоже на пасторальные сцены мильтоновского рая, включающие в себя и труд, и плотскую любовь:

«Они были резвы и веселы как дети. Они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они пели свои прекрасные песни, они питались легкою пищею, плодами своих деревьев, медом лесов своих и молоком их любивших животных. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того *жесток*ого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества» [Достоевский: 113].

Грехопадение происходит уже благодаря герою, развратившему обитателей светлого мира, привнесшему ложь, ревность, жестокость и сладострастие; Достоевский описывает как знаки деградации и разложения человека появление стыда и науки, понятий братства и гуманности, религии. Мильтоновское влияние заметно здесь в «космической» разработке образа рая и в наполнении жизни его обитателей простыми земными радостями.

Любовно-эротическая окраска грехопадения становится лейтмотивом русской лирики. Так, с сохранением любовной линии звучит танатологическая разработка мотива в «Воскрешшем» К. Д. Бальмонта: здесь «звук родной / Давно утраченного рая» [Бальмонт; т. 1: 123] — это голос Смерти-владычицы, которая является к неудачнику, посягнувшему на свою жизнь из-за личных неурядиц. В стихотворении Бальмонта «Не забывай» (1909) рай — это то, что было у человека и когда-то ждет его вновь, но в этом мире Эдем — категория психологическая, а не историческая:

«Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Когда ты счастлив, от счастья нем,
Он здесь, Эдем» [Бальмонт; т. 3: 119].

Стихотворение В. Брюсова «Адам и Ева» написано как диалог прародителей в момент совершения грехопадения, причем змея нет среди актантов, а соблазн выглядит одновременно и предрешенным поеданием плода («Плоды вонзаются в уста»), и эротическим переживанием («Что это: плод, упавший с древа, / Иль то твоя живая грудь?») [Брюсов; т. 1: 384]. В стихотворении «Калейдоскоп» (1913) детская игрушка оказывается воплощением забытого рая младенчества: «Ты мне вернул забытый рай / Из хризолита и сапфира!» [Брюсов; т. 2: 195]; в стихотворении «Хмельные кубки» (1920) «померкший рай» — прошлое моряка [Брюсов; т. 3: 71].

Также В. Брюсов разрабатывает характерную для русской традиции трактовку потерянного рая как утраченной любви — в частности, в романе «Огненный ангел» (1907):

«Я говорил, что из черного ада я вышел было к радужному эдему, как Адам не сумел воспользоваться блаженством, и вот стою у врат рая, и страж с пылающим мечом загораживает мне возврат, — что я согласен умереть сейчас же, если мне еще один раз позволено будет вдохнуть запах эдемских лилий. <...> ложь была той дорогой ценой, за которую надеялся я купить любовный взгляд и ласковое прикосновение Ренаты» [Брюсов; т. 4: 183].

У М. Цветаевой потерянный рай — тоже топос утраченной любви, причем ее объектом в стихотворении «Только закрою горячие веки...» выступает соблазнитель-змея:

«Только закрою горячие веки —
 Райские розы, райские реки...
 <...>
 Нежные речи
 Райской змеи» [Цветаева: 332].

Особо отметим, что рай у Цветаевой обретает характерную форму, он круглый: «Царское древо / В круглом раю» («Только закрою горячие веки...») [Цветаева: 332]; «И падает шелковый пояс / На площади — круглой, как рай» («Дон Жуан», 1917) [Цветаева: 337]; «Черное око, полное грусти, / Пусто, как полдень, кругло, как рай» («Бóроды — цвета кофейной гущи...», 1917) [Цветаева: 364].

Мотив *потерянного рая* характерен для творчества И. А. Бунина, который, в частности, переводил байроновскую мистерию «Каин» — произведение, во многом созданное под влиянием эпосов Мильтона. У Бунина мотив часто осмысливается в иносказательно-географическом и историческом ключе. Так, в очерке «Пустыня дьявола» в качестве потерянного Эдема выступает «иорданский рай»: страна, когда-то процветавшая и известная плодородием земли, нынче находится в запустении [Бунин; т. 1: 278–279]. В очерке «Город Царя Царей» (1924) раем назван Цейлон, но и здесь Адам «преступил запрет, ушел с Евой в Индию» [Бунин; т. 9: 287]. В стихотворениях Бунина послереволюционного периода мотив потерянного рая связан с утраченной Россией (напр., «Потерянный рай», 1919 [Бунин; т. 8: 198]).

Параллель с библейскими книгами пророков и свое развите мотив потерянного рая получает в стихотворении

Н. С. Гумилева «Сон Адама». В нем праотец, будучи еще в раю, засыпает у Древа познания — и во сне видит будущее:

«Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращой и дубиной искать себе пищи» [Гумилев; т. 1: 255].

Адам видит во сне то будущее, о котором еще ничего не может знать: рождение Каина и Авеля, ковчег и путешествия, ремесла и искусства, чуждость мужчины и женщины. Финал стихотворения полон скрытого трагического ожидания: Адам просыпается,

«И Ева кричит из весеннего сада:
"Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!"» [Гумилев; т. 1: 258].

Пророческий сон Адама — очевидное переосмысление рассказа архангела Михаила в 11–12 книгах «Потерянного рая».

В стихотворении Гумилева «Адам» мотив потерянного рая и тоски по нему истолковывается в стоически-героическом аспекте:

«В суровой доле будь упрям,
Будь хмурым, бледным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным» [Гумилев; т. 1: 269].

Однако в целом для поэтики стихов Гумилева характерно ощущение рая не только как блаженного воспоминания: «Сад этот знойный и зыбкий / Только в детстве я видел во сне» («Райский сад», 1911) [Гумилев; т. 2: 64], но и как места, в которое возможно возвращение: «Светлый рай, ты будешь ждать, как прежде» («Пальмы, три слона и два жирафа...», 1911) [Гумилев; т. 2: 78].

Стихотворение Саши Черного «Несправедливость» посвящено изгнанию Адама из рая вместе с животными — показаны переживания различных животных и их эмоции по поводу необходимости трудиться и «рожать чад в муках»; поэт,

с присущей ему горькой иронией, отмечает, что и утрата рая для некоторых животных — приобретение:

«И хищники отчасти были рады:
Трава в раю была не по зубам!
Пусть впереди облавы и засады,
Но кровь и мясо, кровь и мясо там!» [Черный: 257].

Мотив потерянного рая многократно прослеживается в творчестве Ф. К. Сологуба. В некоторых его произведениях мотив раскрыт с участием библейских актантов. Например, в эссе «Человек человеку — дьявол» (1907) Сологуб кратко пересказывает историю человечества как разрывающуюся между дьяволом и Богом, а также добавляет соблазну Сатаны отчетливо эротический оттенок:

«Простодушных гольшей первозданного Эдема он соблазнил вкусить запретного плода, прельщая их сатанинскою улыбкой; он открыл пред ними сладости дерзновения и греха. Научил их тому, что они не только наги, но и прекрасны. Зажег в их сердцах желание пламеннее огня и стыд слаще меда» [Сологуб; т. 2: 564].

В стихотворении «Радуйся, радуйся, Ева...» (1921) праматерь изображена объектом любви Люфицера, а ревнивый бог Адонай мстит и смещает Еву с Адамом на землю [Сологуб; т. 8: 215–216].

Однако Сологуб экстраполирует мотив и на более «обыденную» реальность. Так, бытовой контекст придается мечте о потерянном рае в рассказе «Мечты на камнях». Его герой, кухаркин сын Гришка, обученный грамоте, грезит полувсерьез, что на самом деле он какой-то иной прекрасный юноша, лишь болезненными грезами заброшенный в этот серый мир:

«Мечтал, что он — царский сын, что гордый чертог его предков стоит в стране прекрасной и далекой. Он заболел тяжким недугом давно <...> и бредит, воображая себя кухаркиным сыном Гришкою. <...> Но настанет день, и очнется сын царицы, и встанет со своего роскошного ложа, вспомнит, кто он и как его зовут в родной стране, и засмеется» [Сологуб; т. 6: 42–43].

В рассказе Сологуба «Земной рай» (1911) герой-мечтатель приводит доводы о том, что рай на земле вполне доступен — тем, кто способен увидеть «предвещательные мечтания»:

«Преображенный мир предстанет перед нами, чаруя нас опять и опять мечтательным предвещанием земного рая, рая без оград и без замкнутых ворот, без платы за вход, рая, доступного для всех» [Сологуб; т. 3: 698].

В статье «Искусство наших дней» (1915) Сологуб убежденно размышляет о задачах искусства по изображению земного рая:

«Искусство, как бы оно ни любило жизнь, никогда еще не сумело изобразить рай на земле» [Сологуб; т. 6: 429].

Земная низкая жизнь в творчестве Сологуба, в символистской традиции, воспринимается как неистинная, взыскующая преобразования или же пробуждения, для жизни истинной. Эта жизнь истинная, в контексте утраченного рая, может быть названа раем возвращенным. Если говорить о том, что мотив в ряде случаев становится «двуединым» (как, например, «преступление и наказание» (см.: [Тамарченко])), то нельзя не признать, что мотив потерянного рая часто дополняется мотивом возвращения, что дает нам двуединый мотив *потерянный и возвращенный рай* — актуализирующийся, в частности, у Сологуба и писателей утопической направленности.

Таким образом, в воспроизведении библейского мотива *потерянного рая* русская литература до XVII в. демонстрирует влияние фольклора и иноязычных апокрифов; в роли актантов, соотносимых с *потерянным раем*, выступают, как правило, Бог, Адам и Ева, змей (часто ассоциируемый напрямую с Сатаной) и страж-херувим, однако количество и внешний вид актантов может меняться. Топология потерянного рая в древнерусской словесности становится несколько разнообразнее по сравнению с библейским источником: в частности, в апокрифах можно встретить мотив «седьмой части Эдема», ароматов или животных, выпущенных Богом на землю для человека. Далее, для литературных источников характерно ощущение грехопадения как завязки христианского сюжета.

Многие изменения, внесенные в мотив в его историческом бытовании, связаны с христианской точкой зрения рассказчиков, которые рассматривают сюжет об Адаме — подобно Мильтону — как завязку сюжета Христа.

С середины XVIII в. обработка мотива в русской литературе демонстрирует влияние не только собственно библейской традиции (в том числе в ее апокрифических трактовках), но и, во многом, эпоса Мильтона «Потерянный рай». Прежде всего это воздействие отражается в расширении топологии художественного пространства до космического масштаба (очевидно реализуемой в «Сне смешного человека» Достоевского); в пасторальном описании жизни людей в раю (Богданович, Херасков, Сологуб); в работе с топосом Хаоса (Херасков), в любовно-эротической трактовке грехопадения и потерянного рая (Пушкин, Бальмонт, Брюсов, Цветаева, Сологуб); Гумилев также воссоздает в видении мильтоновский мотив знания Адама о будущем. Таким образом, можно говорить как о прямом влиянии Мильтона на эпическую традицию (например, поэмы Богдановича и Хераскова), так и о творческой рецепции его образа потерянного рая в литературе «золотого века» и последующего времени.

Список литературы

1. Балбенова Д. В. Образ «потерянного рая» в лирике В. В. Набокова: райский сад — свидетель счастья // *Мировая литература глазами современной молодежи: сб. мат-лов Междунар. студенческой науч.-практ. конф.* (Магнитогорск, 25 ноября 2016 г.). Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. С. 7–11 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28861837_77689187.pdf (19.02.2026). EDN: YHPEGN
2. Бальмонт К. Д. Собр. соч.: в 7 т. / [ред. А. Полбенникова]. М.: Книговек, 2010. Т. 1. 504 с.; Т. 3. 528 с.
3. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. М.: Сов. писатель, 1957. 416 с. (Сер.: Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)
4. Бердникова О. А. Возвращение в «потерянный рай» (некоторые аспекты художественной антропологии И. А. Бунина) // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 5 (61). С. 289–295 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_10367420_63269631.pdf (19.02.2026). EDN: ISWQFF

5. Бородин Б. Б. «Потерянный рай»: образ России в русской зарубежной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 21. С. 193–198 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18044737_84812447.pdf (19.02.2026). EDN: PEWRZL
6. Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]; [подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина и др.]; [вступ. ст. П. Г. Антокольского. М.: Худож. лит., 1973–1975.
7. Бунин И. А. Собр. соч.: [в 11 т.]. Берлин: Петрополис, 1934–1936.
8. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Журмунского. Л.: Худож. лит., 1940. 648 с.
9. Гарипова Г. Т. Мифообраз «хрустального потерянного рая» В. Маяковского в компаративном контексте русской литературы XX века // Русистика и компаративистика: сб. науч. тр. по филологии. М.: Зерцало-М, 2023. Вып. 17. С. 210–220 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_69147635_82477853.pdf (19.02.2026). DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.13. EDN: BDSEUY
10. Голозубов А. «Потерянный рай»: сатира и мечта в русской утопической литературе первой трети XX в. // Образ рая: от мифа к утопии: сб. ст. и мат-лов конф. / [отв. ред. Шахнович М. М.]. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. С. 159–163. (Сер.: Symposium; вып. 31.)
11. Григорьев А. А. Стихотворения. Поэмы. Драмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб.: Акад. проект, 2001. 760 с. (Сер.: Новая библиотека поэта.)
12. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / Н. Н. Скатов (гл. ред.) и др., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1. 502 с.; Т. 2. 344 с.
13. Державина О. А. Русский театр 70–90-х годов XVII в. и начала XVIII в. // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / изд. подгот. О. А. Державина [и др.]. М.: Наука, 1972. С. 5–52. (Сер.: Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.)
14. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год, январь — август. 472 с.
15. Златопольская А. А. Потерянный рай естественного состояния и утопия состояния гражданского (Ж. Ж. Руссо и утопизм в России XVIII–XIX вв.) // Образ рая: от мифа к утопии: сб. ст. и мат-лов конф. / [отв. ред. Шахнович М. М.]. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. С. 163–170. (Сер.: Symposium; вып. 31.) EDN: WZONFZ
16. Каган М. Д. Апокриф об Адаме и Еве // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А — К. С. 47–50.
17. Каплун М. В. Пасторальные мотивы в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» И. Г. Грегори // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4.

- С. 69–81 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47157434_78000924.pdf (19.02.2026). DOI: 10.17223/18137083/77/6. EDN: QXRBYJ
18. Каспина М. М. Сюжеты об Адаме и Еве в свете исторической поэтики (на материале древней и средневековой еврейской и славянской книжности): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 256 с. EDN: NLYMBN
  19. Коровин В. Л. Херасков и Милтон: «Вселенная» и «Потерянный рай» // Известия Рос. Академии наук. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 6. С. 48–54 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27486848_54593179.pdf (19.02.2026). EDN: XDMWEP
  20. Крылова О. С., Старыгина Н. Н. Аллюзия «потерянный рай» в «библейском» тексте романа Н. С. Лескова «На ножах» // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты: сб. науч. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 28 октября 2024 г.). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2025. С. 383–387 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82361177_69187142.pdf (19.02.2026). EDN: KXTRQA
  21. Лермонтов М. Ю. Ангел // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. О. В. Миллер; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. Т. 1: Стихотворения, 1828–1841 / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. С. 202–203.
  22. Матушкин Д. Я. Концепт «потерянный рай» в творчестве Ф. М. Достоевского // «Духовно-нравственные основы творчества Ф. М. Достоевского»: мат-лы Междунар. науч. конф. обучающихся, посвящ. 200-летию со дня рождения писателя (30 сентября 2021 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Осипова. Гжель: ГГУ, 2021. С. 113–118 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47367982_48597390.pdf (19.02.2026). EDN: PXDJTF
  23. Маяковская А. В. Загадка потерянного рая в рассказе В. В. Набокова «Слово» // Научные исследования XXI века. 2022. № 6 (20). С. 198–202 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50013897_77325265.pdf (19.02.2026). EDN: HNYUVX
  24. Мильков В. В. Древнерусские апокрифы / Рос. акад. наук, Ин-т философии. СПб.: РХГИ, 1999. 894 с. (Сер.: Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты.) EDN: SNEBBR
  25. Мозго А. И. Мифопоэтическое пространство царства хаоса в эпической поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 39–41 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.psu.by/humanities/article/view/4402/3984> (19.02.2026). EDN: XHNCFJ
  26. Незванкина Л. К., Щемелева Л. М. Мотив // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 230.

27. Павлова А. Э., Ермакова Л. А. Особенности функционирования интертекстемы «потерянный рай» в русской рок-поэзии XX–XXI веков // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 74–82 [Электронный ресурс]. URL: <https://vv.yspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/12/VFV-МАКЕТ-%E2%84%964-2020-V-ПЕЧАТ-74-82.pdf> (19.02.2026). DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-74-82. EDN: ZSLIGR
28. Панченко А. М. Стихи покаянные // Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л — Я. С. 421–423.
29. Паринаова А. С. Мотивный комплекс рая в произведениях русской прозы рубежа XX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 172 с. EDN: BNYBAN
30. Паринаова А. С. Мотивный комплекс рая в русской литературе под влиянием поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2 (20). С. 1–13 [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1521289> (19.02.2026). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).13
31. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань: Унив. тип., 1872. 314 с.
32. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. / ред. ком. М. Горький, С. М. Бонди и др.; Акад. наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 4: Поэмы, 1817–1824. 483 с.
33. Силантьев И. В. Мотив в системе категории нарратива // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. Вып. 4: Интерпретация текста: сюжет и мотив / под ред. Е. К. Ромодановской. С. 13–35. EDN: VMOFRF
34. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура.) EDN: QQUXIV
35. Силантьев И. В. Мотив // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intra-da, 2008. С. 130–131.
36. Соколова М. Ю. Эдем как основной хронотоп поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. № 13. С. 172–180 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15620562_28114755.pdf (19.02.2026). EDN: NDVCLK
37. Соколянский М. Г. К проблеме «Пушкин и Милтон» // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1989. Вып. 23. С. 130–139 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-pushkin-i-milton/viewer> (19.02.2026).
38. Сологуб Ф. К. Собр. соч.: в 6 т. / сост. и авт. примеч. Т. Ф. Прокопов. М.: Интелвак, 2000–2004.

39. Тамарченко Н. Д. Мотивы преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему) // *Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»*. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. Вып. 2: Сюжет и мотив в контексте традиции / под ред. Е. К. Ромодановской. С. 38–48. EDN: SBSPKN
40. Тетерина Е. Н. Организация эпического времени в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай» // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2014. № 1. С. 21–27 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23057275_37123544.pdf (19.02.2026). EDN: ТКOPYR
41. Топчий Т. П. «Вечная мечта» человечества в контексте русской мысли: феномен «потерянного рая» в философии В. С. Соловьева // *Ессе Homo*. 2024. № 2 (12). С. 83–86 [Электронный ресурс]. URL: <https://eh-journal.com/wp-content/uploads/2024/07/3.-d0a2d0bed0bfd187d0b8d0b9-d0a2d0b0d182d18cd18fd0bdd0b0-83-86.pdf> (19.02.2026). EDN: AQXVIU
42. Тюпа В. И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // *Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»*: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. С. 16–23.
43. Ходасевич В. Ф. О «Гаврииладе» // *Ходасевич В. Ф. Собр. соч.*: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика, 1922–1939 / сост., подгот. текста И. П. Андреевой и др.; коммент. И. П. Андреевой и др. С. 71–76.
44. Цветаева М. И. *Собр. соч.*: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1: Стихотворения. 640 с.
45. Черный С. *Стихотворения* / вступ. ст. и общ. ред. К. Чуковского; критико-биогр. очерк, подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л.: Сов. писатель, 1960. 632 с. (Сер.: Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)
46. Boss V. *Milton's Influence in Russia* // *A Milton Encyclopedia*. London: Associated University Press, 1983. Vol. 9. P. 20–43.
47. Boss V. *Milton and the Rise of Russian Satanism*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1991. XXVI, 276 p.
48. Evans J. M. *Paradise Lost and the Genesis Tradition*. Oxford: Clarendon Press, 1968. 314 p.
49. Manning A. *A Russian Translation of "Paradise Lost"* // *The Slavonic and East European Review*. 1934. Vol. 13. No. 37. P. 173–176.

References

1. Balbenova D. V. The Image of “Paradise Lost” in the Lyrics of V. V. Nabokov: the Garden of Eden is a Witness of Happiness. In: *Mirovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi: sbornik materialov Mezhdunarodnoy studentcheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Magnitogorsk, 25 noyabrya 2016 goda)* [World Literature Through the Eyes of Modern Youth: a Collection of Materials from the International Student Scientific and Practical Conference (Magnitogorsk, November 25, 2016)]. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., 2016, pp. 7–11. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28861837_77689187.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: YHPEGN (In Russ.)
2. Bal'mont K. D. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [The Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Knigovek Publ., 2010, vol. 1. 504 p.; vol. 3. 528 p. (In Russ.)
3. Baratynskiy E. A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The Complete Collection of Poems]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1957. 416 p. (Ser.: The Poet's Library. Large Series. 2nd Edition.) (In Russ.)
4. Berdnikova O. A. Regaining of “Paradise Lost” (Some Aspects of I. A. Bunin's Creative Anthropology). In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2008, no. 5 (61), pp. 289–295. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_10367420_63269631.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: ISWQFF (In Russ.)
5. Borodin B. B. “Lost Paradise”: the Image of Russia in Russian Foreign Culture. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 21, pp. 193–198. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18044737_84812447.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: PEWRZL (In Russ.)
6. Bryusov V. Ya. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [The Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973–1975. (In Russ.)
7. Bunin I. A. *Sobranie sochineniy: v 11 tomakh* [The Collected Works: in 11 Vols]. Berlin, Petropolis Publ., 1934–1936. (In Russ.)
8. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. 648 p. (In Russ.)
9. Garipova G. T. The Myth of the “Crystal Paradise Lost” by V. Mayakovsky in the Context of Russian Literature of the 20th Century. In: *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian Philology and Comparative Studies: a Collection of Scientific Papers on Philology]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2023, issue 17, pp. 210–220. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_69147635_82477853.pdf (accessed on February 19, 2026). DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.13. EDN: BDSEUY (In Russ.)
10. Golozubov A. “Paradise Lost”: Satire and Dream in Russian Utopian Literature of the First Third of the 20th Century. In: *Obraz raya: ot mifa k utopii: sbornik statey i materialov konferentsii* [The Image of Paradise: From

- Myth to Utopia: a Collection of Articles and Materials of Conference*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2003, pp. 159–163. (Ser.: Symposium; issue 31.) (In Russ.)
11. Grigor'ev A. A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Dramy* [Poems. Epic Poems. Dramas]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 760 p. (Ser.: The Poet's New Library.) (In Russ.)
  12. Gumilev N. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [The Complete Works: in 10 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1998, vol. 1. 502 p.; vol. 2. 344 p. (In Russ.)
  13. Derzhavina O. A. Russian Theater of the 1670s–1690s and the Beginning of the 18th Century. In: *Russkaya dramaturgiya posledney chetverti XVII i nachala XVIII v.* [Russian Drama of the Last Quarter of the 17th and the Beginning of the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 5–52. (Ser.: Early Russian Drama (17th — First Half of the 18th Century.)) (In Russ.)
  14. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 25: A Writer's Diary for 1877, January — August. 472 p. (In Russ.)
  15. Zlatopol'skaya A. A. The Lost Paradise of the Natural State and the Utopia of the Civil State (J.-J. Rousseau and Utopianism in Russia in the 18th — 19th Centuries). In: *Obraz raya: ot mifa k utopii: sbornik statey i materialov konferentsii* [The Image of Paradise: From Myth to Utopia: a Collection of Articles and Materials of Conference]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2003, pp. 163–170. (Ser.: Symposium; issue 31.) EDN: WZONFZ (In Russ.)
  16. Kagan M. D. The Apocrypha of Adam and Eve. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus']. Leningrad, Nauka Publ., 1988, issue 2 (Second Half of the 14th — 16th Centuries), part 1, pp. 47–50. (In Russ.)
  17. Kaplun M. V. Pastoral Motifs in a “Pitiful Comedy About Adam and Eve” by J. G. Gregory. In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2021, no. 4, pp. 69–81. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47157434_78000924.pdf (accessed on February 19, 2026). DOI: 10.17223/18137083/77/6. EDN: QXRBYJ (In Russ.)
  18. Kaspina M. M. *Syuzhety ob Adame i Eve v svete istoricheskoy poetiki (na materiale drevney i srednevekovoy evreyskoy i slavyanskoy knizhnosti): dis. ... kand. filol. nauk* [Plots About Adam and Eve in Light of Historical Poetics (Based on Ancient and Medieval Jewish and Slavic Literature). PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 256 p. EDN: NLYMBN (In Russ.)
  19. Korovin V. L. Kheraskov and Milton: “The Universe” and “Paradise Lost”. In: *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2016, vol. 75, no. 6, pp. 48–54. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27486848_54593179.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: XDMWEP (In Russ.)
  20. Krylova O. S., Starygina N. N. The Allusion “Paradise Lost” in the “Biblical” Text of N. S. Leskov's Novel “On the Knives”. In: *Yazyki, kul'tury, etnosy*.

- Formirovanie yazykovoy kartiny mira: filologicheskii i metodicheskii aspekt: sbornik nauchnykh statey po materialam XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Yoshkar-Ola, 28 oktyabrya 2024 goda)* [Languages, Cultures, Ethnicities. Formation of a Linguistic Picture of the World: Philological and Methodological Aspects: a Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the 16th International Scientific and Practical Conference (Yoshkar-Ola, October 28, 2024)]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2025, pp. 383–387. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_82361177_69187142.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: KXTRQA (In Russ.)
21. Lermontov M. Yu. Angel. In: *Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [Lermontov M. Yu. The Complete Works: in 4 Vols]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2014, vol. 1, pp. 202–203. (In Russ.)
  22. Matushkin D. Ya. The Concept of “Paradise Lost” in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *“Dukhovno-nravstvennyye osnovy tvorchestva F. M. Dostoevskogo”: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii obuchayushchikhsya, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya (30 sentyabrya 2021 g.): sbornik nauchnykh statey* [“Spiritual and Moral Foundations of F. M. Dostoevsky’s Works”: Proceedings of the International Scientific Conference for Students, Dedicated to the 200th Anniversary of the Writer’s Birth (September 30, 2021): a Collection of Scientific Articles]. Gzhel, Gzhel State University Publ., 2021, pp. 113–118. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47367982_48597390.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: PXDJTF (In Russ.)
  23. Mayakovskaya A. V. The Riddle of Paradise Lost in V. V. Nabokov’s Short Story “The Word”. In: *Nauchnye issledovaniya XXI veka [Scientific Research of the 21st Century]*, 2022, no. 6 (20), pp. 198–202. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_50013897_77325265.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: HNYUVX (In Russ.)
  24. Mil’kov V. V. *Drevnerusskie apokryfy* [Old Russian Apocrypha]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1999. 894 p. (Ser.: Monuments of Old Russian Thought: Research and Texts.) EDN: SNEBBR (In Russ.)
  25. Mozgo A. I. The Mythological and Poetical Space of the Realm of Chaos in the Epic Poem “Paradise Lost” by John Milton. In: *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Polotsk State University. Part A: Humanities], 2016, no. 10, pp. 39–41. Available at: <https://journals.psu.by/humanities/article/view/4402/3984> (accessed on February 19, 2026). EDN: XHNCFJ (In Russ.)
  26. Nezvankina L. K., Shchemeleva L. M. Motif. In: *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar’* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, p. 230. (In Russ.)
  27. Pavlova A. E., Ermakova L. A. Functional Aspects of Intertextem “Lost Paradise” in Poetic Discourse of the 20th — 21st Century (Based on Russian Rock Poetry). In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhski Philological Bulletin], 2020, no. 4 (23), pp. 74–82. Available at:

- 2020-V-PECHAT-74-82.pdf (accessed on February 19, 2026). DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-74-82. EDN: ZSLIGR (In Russ.)
28. Panchenko A. M. Penitential Poems. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus']. Leningrad, Nauka Publ., 1989, issue 2 (Second Half of the 14th — 16th Centuries), part 2, pp. 421–423. (In Russ.)
  29. Parinova A. S. *Motivnyy kompleks raya v proizvedeniyakh russkoy prozy rubezha XX–XXI vekov: dis. ... kand. filol. nauk* [The Motif Complex of Paradise in Works of Russian Prose at the Turn of the 20th and 21st Centuries. PhD. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2018. 172 p. EDN: BNYBAN (In Russ.)
  30. Parinova A. S. Motivic Complex of Paradise in the Russian Literature Under the Influence of the Poem by J. Milton “Paradise Lost”. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 2019, no. 2 (20), pp. 1–13. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1521289> (accessed on February 19, 2026). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).13 (In Russ.)
  31. Porfir'ev I. Ya. *Apokrificheskie skazaniya o vetkhozavetnykh litsakh i sobytiyakh* [Apocryphal Tales About Old Testament Persons and Events]. Kazan, Universitetskaya tipografiya Publ., 1872. 314 p. (In Russ.)
  32. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh* [The Complete Works: in 16 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 4: Poems, 1817–1824. 483 p. (In Russ.)
  33. Silant'ev I. V. Motif in the System of Narrative Categories. In: *Materialy k “Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury”* [Materials for the “Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature”]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 2001, issue 4: Text Interpretation: Plot and Motif, pp. 13–35. EDN: VMOFRF (In Russ.)
  34. Silant'ev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of Motif]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 296 p. (Ser.: Language. Semiotics. Culture.) EDN: QQUXIV (In Russ.)
  35. Silant'ev I. V. Motif. In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 130–131. (In Russ.)
  36. Sokolova M. Yu. Edens Time and Space in “Paradise Lost” by John Milton. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], 2011, no. 13, pp. 172–180. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15620562_28114755.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: NDVLKL (In Russ.)
  37. Sokolyanskiy M. G. On the Problem of “Pushkin and Milton”. In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Chronicle of the Pushkin Committee]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, issue 23, pp. 130–139. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-pushkin-i-milton/viewer> (accessed on February 19, 2026). (In Russ.)

38. Sologub F. K. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [*The Collected Works: in 6 Vols.*]. Moscow, Intelvak Publ., 2000–2004. (In Russ.)
39. Tamarchenko N. D. Motifs of Crime and Punishment in Russian Literature (Introduction to the Problem). In: *Materialy k "Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury"* [*Materials for the "Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature"*]. Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998, issue 2: Plot and Motif in the Context of Tradition, pp. 38–48. EDN: SBSPKH (In Russ.)
40. Teterina E. N. Organization of Epic Time in J. Milton's Poem "Paradise Lost". In: *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [*Herald of the University of the Russian Academy of Education*], 2014, no. 1, pp. 21–27. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23057275_37123544.pdf (accessed on February 19, 2026). EDN: TKOPYR (In Russ.)
41. Topchiy T. P. The "Eternal Dream" of Mankind in the Context of Russian Thought: the Phenomenon of "Paradise Lost" in the Philosophy of V. S. Solovyov. In: *Ecce Homo*, 2024, no. 2 (12), pp. 83–86. Available at: <https://eh-journal.com/wp-content/uploads/2024/07/3.-d0a2d0bed0bfd187d0b8d0b9-d0a2d0b0d182d18cd18fd0bdd0b0-83-86.pdf> (accessed on February 19, 2026). EDN: AQXVIU (In Russ.)
42. Tyupa V. I. Phases of the World Archeoplot as the Historical Core of the Dictionary of Motifs. In: *Materialy k "Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury": ot syuzheta k motivu* [*Materials for the "Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature": from Plot to Motif*]. Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 16–23. (In Russ.)
43. Khodasevich V. F. On "Gavriliad". In: *Khodasevich V. F. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [*Khodasevich V. F. The Collected Works: in 4 Vols.*]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, vol. 2: Notebook. Articles on Russian Poetry. Literary Criticism, 1922–1939, pp. 71–76. (In Russ.)
44. Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [*The Collected Works: in 7 Vols.*]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994, vol. 1: Poems. 640 p. (In Russ.)
45. Chernyy S. *Stikhotvoreniya* [*Poems*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1960. 632 p. (Ser.: Poet's Library. Large Series. 2nd Edition.) (In Russ.)
46. Boss V. Milton's Influence in Russia. In: *A Milton Encyclopedia*. London, Associated University Press Publ., 1983, vol. 9, pp. 20–43. (In English)
47. Boss V. *Milton and the Rise of Russian Satanism*. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press Publ., 1991. 276 p. (In English)
48. Evans J. M. *Paradise Lost and the Genesis Tradition*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1968. 314 p. (In English)
49. Manning A. A Russian Translation of "Paradise Lost". In: *The Slavonic and East European Review*, 1934, vol. 13, no. 37, pp. 173–176. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жаткин Дмитрий Николаевич, *Dmitry N. Zhatkin*, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11, г. Пенза, Российская Федерация, 440039); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4768-3518>; e-mail: ivb40@yandex.ru.

Сердечная Вера Владимировна, *Vera V. Serdechnaia*, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет (ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Российская Федерация, 350040); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-3556>; e-mail: [rintra@yandex.ru](mailto:rintr@yandex.ru).

Поступила в редакцию / Received 21.04.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.05.2026

Принята к публикации / Accepted 12.05.2025

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026